

(1) Почти невозможно было представить себе, что лишь неделю назад он защищал диссертацию на тему «Древнейшие сказания европейских народов». (2) А теперь?.. (3) Мёртвое, взрытое снарядами поле лежало перед ним, земля, на которой был посеян и взошёл хлеб, а потом сгорел и был развеян по ветру вместе с пороховым дымом, земля, на которой было сделано всё, чтобы человек не мог на ней существовать.

(4) По одну сторону этого куска земли лежали, спрятавшись за глинистыми буграми, гитлеровцы, пришедшие в чужую, далёкую страну по приказу своего фюрера, уничтожающие, сжигающие всё на своем пути. (5) Неподдалёку от них, по эту сторону мёртвого ржаного поля, лежал только один — кандидат филологических наук, младший лейтенант Лев Никольский.

(6) Он был окружён и по всем правилам войны должен был положить оружие и сдаться в плен победителям. (7) Но он не считал себя побеждённым: пулемёт ещё работал, а если бы он замолчал, в ход пошли бы винтовка и гранаты. (8) Впрочем, он был не один. (9) Двенадцать мёртвых товарищей, которые ещё вчера вместе с ним защищали этот голый кусок земли с одинокой берёзой, лежали вдоль траншеи.

(10) Тринадцатый оказался живым. (11) Это был разведчик Петя Данилов, любимец всего полка, талантливый и умный парень, писавший стихи и читавший их вслух в самые горячие минуты боя.

(12) Теперь он лежал, раненный в грудь навывлет, и смотрел в небо, осеннее, но ясное, с редкими, освещёнными снизу облаками. (13) Берёза вздрагивала от выстрелов, и жёлтые листья время от времени падали на раненого. (14) Один лист упал Пете на лицо, но Петя не смахнул его, не пошевелился.

(15) В одну из редких пауз тишины Никольский подполз к Пете и, смахнув лист, взял его за руку.

— (16) Ну как ты, а?

— (17) Ничего, — чуть слышно ответил Петя, — дышать трудно. (18) Послушай... — он помолчал, потом стал с трудом вынимать из кармана гимнастёрки бумаги.

— (19) Тут мои стихи остались, пошли их вместе с письмом, ладно?

(20) Должно быть, не больше пяти минут он провёл с Петей, а уж немцы, воспользовавшись тем, что пулемёт замолчал, намного продвинулись к траншее.

(21) Никольский дал очередь, другую — они залегли. (22) Потом снова стали приближаться, прячась между редкими пучками ржи, торчавшей в поле. (23) Плохо было то, что слева, метрах в двухстах от берёзы, стояло орудие. (24) Правда, оно стреляло не по траншее, а в глубину, туда, где на горизонте были видны тёмные, ещё дымящиеся развалины сгоревшей деревни. (25) Но в любую минуту оно могло ударить и по траншее, которую защищало подразделение, состоящее из двенадцати убитых, одного серьёзно раненого и одного живого. (26) Эх, подобраться бы к этому орудью! (27) И тропка была — вот там, где за выходами взрытой бурой земли начиналось болотце с высокой травой. (28) Но нечего было и думать! (29) Он понимал, что немцы захватят траншею, едва только замолчит пулемёт...

(30) Никольский прислушался, и в первый раз его сердце дрогнуло, и он крепко сжал зубы, глаза, всё лицо, чтобы справиться с невольным волнением. (31) Петя читал стихи, он бредил, но голос был ясный, звонкий:

Есть улица в нашей столице,

Есть домик, и в домике том

Ты пятую ночь в огневице

Лежишь на одре роковом..

(32) Петя читал, закрыв глаза, и каждое слово доносилось отчетливо и плавно. (33) У него было потемневшее страшное лицо, когда, сунув в кружку с водой руку, он начал водить ею по лицу, по глазам. (34) Потом вылил воду на голову и, тяжело опершись на Никольского, пополз к пулемёту.

— (35) Есть! (36) Иди, — сказал он, схватившись за ручки пулемёта...

(37) Пробираясь по тропке к болотцу, Никольский услышал звонкий Петин голос, читавший стихи между пулемётными очередями:

Не снятся ль тебе наши встречи

На улице, в жуткий мороз.

Иль наши любовные речи

И ласки, и ласки до слёз?

(38) Втянув голову в плечи, он мягко опустился в траву и бесшумно пополз, скорее угадывая, чем видя чуть примятую, пересекавшую болото тропинку. (39) Он подобрался к орудью сзади и некоторое время лежал, слушая, как немцы разговаривали резкими уверенными голосами. (40) Он ждал, когда весь

расчёт соберётся возле орудия...

(41) Немцы, занявшие траншею, были захвачены врасплох, и первым снарядом из уже заряженного орудия Никольский убил сразу же человек двадцать. (42) За стихи, которые Петя читал между пулёмётными очередями! (43) За дымящиеся развалины сожжённой деревни! (44) За ограбленных женщин и детей, бродящих по лесам без крова и пищи. (45) За горе каждой семьи, за разлуку с близкими, за Аню с маленьким сыном, которых он, может быть, больше никогда не увидит...

(По В.А. Каверину)